

Труба

Николай Васильевич начал свой рабочий день, как обычно – с короткой планерки. Он сидел в кабинете и выслушивал по сотовому телефону отчеты прорабов и мастеров о текущем состоянии дел. Канули в лету времена, когда в этом кабинете по утрам собиралась куча народу. Теперь всё решалось по современным средствам коммуникаций и в кабинете директора линейные работники бывали не часто.

Последним на связь вышел Куропаткин. Роман Куропаткин уже несколько лет работал в строительной организации ООО «Уралспецмонтаж», директором и владельцем которой был Николай Васильевич Дворцов. Когда то давно, еще в советские времена, в городе было СМУ «Уралспецмонтаж», где Дворцов и начинал свою карьеру. Но в годы приватизации СМУ тихо кануло в лету, и когда Николай Васильевич создавал свой строительный бизнес, то в память о своей молодости зарегистрировал новое предприятие под аналогичным мудрёным названием.

Вся жизнь Дворцова была связана со строительством. Он пришёл в эту сферу после окончания техникума, потом учился заочно в институте, но так и не закончил. Среди молодых современных высокообразованных коллег менеджеров, он мог бы казаться таким динозавром в строительном сообществе города, но нет. Его уважали за профессионализм и умение находить простые решения в сложных вопросах. В свое время его имя было на слуху, он занимался благотворительностью и дружил с чиновниками из мэрии, но в последние годы, оставив честолюбивые замыслы, он уже не пытался выиграть тендеры на самые крутые объекты, тем не менее, заказы для его предприятия всегда были.

- Роман, сегодня труба должна лежать по всей траншее, требовательно говорил Куропаткину по телефону седовласый предприниматель, а завтра – засыпай этот последний участок грунтом. Колодцы все смонтированы?

- С колодцами закончили. Всё по проекту. Но у меня двух монтажников сегодня не будет.

- Это еще почему?

- Они, согласно утвержденного Вами графика, сегодня проходят вакцинацию от Ковида.

- Так возьми на базе других любых рабочих, скажи, я распорядился.

- Не могу, Николай Васильевич. Нельзя на трубу людей не опытных ставить.

- Ты ошалел? - не сдержался руководитель, там труба полиэтиленовая, диаметр 250 миллиметров, что может быть проще? Объяснишь – справятся.

- Не в этом дело. Мы из-за этой спешки работаем внутри траншеи без деревянных щитов и без распорок. Я Вам об этом докладывал. Траншея шириной меньше метра. Ладно, когда высота траншеи была два метра, а на

этом участке, из-за рельефа местности, она – четыре метра. Холмики здесь не шутейные. Не могу я не подготовленных людей на такой участок ставить. Опасно просто.

- Слушай Куропаткин, я, что ли буду заниматься щитами и распорками. Раз во время не обеспечил, хоть сам в траншею спускайся и монтируй трубу, но утром завтра исполнение доложи.

Дворцов знал, что вины мастера в том, что на объекте не было щитов, которые для исключения обвала, устанавливаются вдоль траншеи, не было. Более того он знал, что и траншея должна быть не с вертикальными стенками, а с откосами. Но Крюков, главный инженер, который непосредственно отвечал за стройку, лично разрешил производить работы без соблюдения этих атрибутов техники безопасности. Не разрешил даже, а просто не требовал этого в отличие от соблюдения сроков. Но в журнале производства работ всё было расписано, как положено.

А что делать? Если работать, соблюдая все инструкции и правила, сроки будут сорваны. В следующий раз фирма останется без заказа.

От того, что он не справедлив к молодому мастеру, Николаю Васильевичу стало как то не комфортно в душе. Он вспомнил, как сам начинал работать мастером, месяц грязь в сапогах и телогрейке. Это теперь он ездит на Лексусе с личным водителем, а тогда в его распоряжении был только ЗИЛ - самосвал.

Конечно, Куропаткин прав. Надо поговорить с главным инженером, чтобы не допускал явных нарушений в охране труда. Но в последнее время навалилось столько забот, что только успевай расхлёбывать: миграционная служба предъявила претензии к его фирме о не надлежащем оформлении на работу мигрантов. Уже несколько лет с десятков мужчин из солнечного Узбекистана приезжали на работу к Дворцову на весь весенне - летний сезон. Они неплохо зарабатывали, поэтому приезжали по первому звонку и месяцами жили прямо на территории производственной базы. В этом году чиновники из миграционной службы докопались, что нужны соответствующие разрешения, постановка на учет и т.д. Предприятию грозит штраф не малых размеров. Другая проблема: судебные иски со стороны бывшего партнера, который решил взыскать спорные долги с предприятия Дворцова. И еще: городская прокуратура начала по представлению налоговой инспекции проверку финансовой деятельности фирмы.

Всё это отвлекало Николая Васильевича от производственной деятельности и, хотя его юристы занимались этими проблемами, положительных результатов пока не видно.

Дворцов так же знал, что все эти вопросы, в конце концов, будут улажены, не впервые ему сталкиваться с подобными сложностями, но сегодня чувство щемящей тревоги не покидало его с утра.

А в это время Роман Куропаткин организовывал работу по прокладке трубы на последнем участке. Экскаваторщик произвел зачистку траншеи, трубы опустили на дно длинной узкой ямы, оставалось соединить

полиэтиленовые трубы между собой. Работа не сложная, но выполнять её надо аккуратно, стыкуя концы труб с помощью резинок-прокладок в раструбе. Роман еще раз взглянул на траншею. Высота её, однозначно, требует сделать откосы и укрепить стены щитами. Но теперь уже поздно. Если даже он оформит заявку прямо сейчас, щиты и распорки доставят через день-два. А ему сегодня надо участок заканчивать. Главный инженер еще неделю назад на его предложение заблаговременно доставить щиты на участок, отмахнулся:

- Не в шахте, в поле работаешь. Справишься. Сроки важнее.

Роман мысленно всегда удивлялся, почему такой солидный, уважаемый директор как Николай Васильевич, принял на должность главного инженера Крюкова, который в строительных делах, похоже, разбирается, но больно хитроват и суетлив. Однако, у Романа сегодня не было ни времени, ни желания размышлять о действиях главного инженера. У него самого только накануне закончилась чёрная полоса в его семейной жизни. Из пяти лет совместной жизни со Светланой, последний год был очень напряженным. Казалось, всё хорошо: квартира есть, пусть не большая, но своя. Дочурке, белокурой Кирочке – четыре года и родители в ней души не чают. Но произошёл какой то надлом в отношениях её родителей и разобраться в этом они то ли не могли, то ли не хотели. А в последние месяцы жена и вовсе перестала называть Романа по имени. А раньше ей имя его нравилось. Называла его: Рома, Ромчик, Ромашка, Романчук-Куропчук. В последнем варианте использовала не только имя, но и фамилию.

Светлана была девушкой с завидной природной внешностью и до замужества пользовалась мужским вниманием, не пользовалась даже, а купалась в ухаживаниях не только парней, но и солидных мужчин. А выбрала Романа. Шутливо потом объясняла:

- Ты Роман такой терпкий и одновременно сладковатый как настоящий кубинский Ром. Самый, самый.

Роман после свадьбы, в свою очередь, никогда не напоминал Светлане её многочисленных ухажеров. Он, улыбаясь, говорил:

- У девушки с таким именем не могут быть не светлые мысли и дела.

Как изменились их отношения они и сами не заметили, но вместо обнимашек и шуток в их семье появились регулярные взаимные претензии и ссоры. Они даже могли не разговаривать по два-три дня. А когда Роман осознал, что Светлана перестала называть его по имени, пришло понимание, что впереди – развод. Это его так ошарашило, что он сначала впал в депрессию, потом пробовал залить вином ощущение безысходности, а затем весь ушел в работу: уходил из дома рано, приходил поздно.

Только есть чудеса на свете – вчера Светлана сама подошла к мужу и тихо сказала:

- Рома, нам надо поговорить. Я вся извелась и тебя мучаю. Ничего не изменилось в моих отношениях к тебе. Я твоя жена и верна тебе. Что нас не устраивает? Ты тоже подумай, а завтра мы всё обсудим и если не против, давай перевернем страницу, и вернем прежние отношения.

Поэтому сегодня ему надо быть дома в хорошем расположении духа. Если всё так, как сказала Светлана, то он возьмёт большую часть вины за эти месяцы на себя, скажет, что любит её по-прежнему и снова у них будет замечательная семья. Ведь всё так просто. А он до этого боялся начинать разговор, вдруг она скажет:

- Прости. У меня есть другой мужчина.

Поводов для ревности как бы не находилось, но если между супругами такое противостояние, у любого мужчины возникнут подозрения.

Роман принял решение: он справится с поставленным начальством заданием. Бригада приступила к работе.

Куропаткин сам спустился в траншею, за ним один из монтажников. Двое рабочих остались наверху. Экскаваторщик, которого все звали просто Крот, потому что его фамилия была Кротов, тоже был рядом. Его огромная машина напичканная электроникой стояла недалеко. Через несколько часов работы Роман, сказал напарнику:

- Давай наверх. Я сейчас с этим стыком закончу и тоже поднимусь. Перекусим и через пару часов завершим.

Монтажник, не спеша, по стремянке, выбрался наверх, и как то неловко ступил на край траншеи. Грунт на верхней части траншеи сначала медленно стал осыпаться, а затем огромная земляная масса оторвалась и устремилась вниз, увлекая за собой незадачливого мужчину. Но тот в последний момент успел ухватиться за стремянку, которая не рухнула вниз, а засыпанная со всех сторон грунтом, осталась в вертикальном положении. Когда он выкарабкался с помощью напарников из обвалившейся на половину траншеи, то даже не сразу осознал, что там, внизу, остался мастер Куропаткин. А когда понял, что произошло, крикнул:

- Лопаты. Давай лопаты.

Крот уже бежал с лопатами. Мужики спрыгнули вниз и начали выбрасывать лопатами грунт с места обвала. И вдруг земля снова обрушилась на них сверху. Испуганные рабочие с помощью Кротова выбрались и немного отошли от того места где только, что была четырехметровая траншея, хотя в этом уже не было никакой необходимости. Осыпаться больше ничего не могло.

Рабочие стояли в молчаливом ужасе. Первым пришел в себя Крот:

- Откапывайте! Я звоню в МЧС.

И побежал к экскаватору, где у него был сотовый телефон. Но сначала он набрал приёмную Дворцова. Девушка - секретарь расслышала не всё, но поняла, что случилось, нечто очень ужасное, продиктовала звонившему номер телефона директора и побежала в кабинет главного инженера Крюкова, сообщить о произошедшем.

Николай Васильевич, возвращался из миграционной службы, где давал очередные объяснения, когда раздался звонок. Звонивший хотя и был очень взволнован, сумел рассказать директору о случившемся. Всего несколько секунд понадобилось Дворцову, чтобы оценить ситуацию.

- Слушай меня Кротов. Я сам позвоню в службу спасения. Не теряй время. Начинай убирать осыпавшийся грунт ковшом экскаватора, но не вдоль траншеи, а поперек. Иначе грунт опять рухнет. Делай яму диаметром метров пять – шесть. Углубиться метра на три можно с помощью техники. Дальше – лопатами.

- Но там же Роман. Я боюсь. Вдруг он жив ещё.

- Работай послойно. Не бросай резко ковш на осыпавшийся грунт. Постарайся работать так, что бы от захватов ковша земля вниз не оседала. Ты же можешь. Считай это моё распоряжение. Не бойся. Я еду.

Николай Васильевич, понимал, что люди лопатами откапывать землю высотой в четыре метра будут не менее часа. Экскаватор справиться гораздо быстрее. Но здесь свой риск. Земля еще сильнее может придавить пострадавшего, если он ещё жив.

- Надо быстро, на «Трубу», приказал он водителю Лексуса и набрал по телефону МЧС.

Но раньше директора, уже ехал к месту происшествия главный инженер Крюков. У него были очень мрачные мысли: «Посадят меня, непременно посадят. Куропаткина уже не спасти, а мне надо что-то делать. Но что?»

Роман был жив. Он лежал придавленный и зажатый со всех сторон землёй. Грунт стал осыпаться так стремительно, что ничего сделать было нельзя. Единственное, что он успел: сунуть голову между двух труб, которые он намеривался соединить между собой. Так его и засыпало в позе эмбриона. Но если младенец в утробе матери получает всё необходимое через пуповину, то Роман получал самое важное для него сейчас – воздух, через полиэтиленовую трубу. Спасательная труба краем своим упиралась ему в правое ухо, ему было очень больно, но он был жив. Как долго он сможет так дышать? Воздуха в трубе, наверное, хватит, но выдержат ли его кости громадную тяжесть, обрушившуюся на него?

«Даже сознание не потерял? – подумал Роман, «Или отключился в первые минуты? Теперь не важно. Мужики откапают, лишь бы я выдюжил. А если всё? Светлана, Кира? Хотели с женой с сегодняшнего дня жить на радость друг другу. Вот её и «обрадуют». Господи, если, ты слышишь меня, дай мне немного жизни. Даже не ради меня. Ради жены и дочки. А что сам могу сделать? Ничего. Надо, не паниковать. Глаза не открывать, руками ногами даже не пытаться двигать. И молиться. Почему даже толком ни одной молитвы не знаю? Значит надо просить у Бога как могу. А вдруг?»

А наверху в это время творилось странное. Спасательная операция еще продолжалась, хотя шансов было не много, это понимали все, и тут Крюков подошел к Дворцову и начал быстро говорить:

- Николай Васильевич, увольте меня задним числом. За объект я отвечал. А если я уволился и несчастный случай без меня, то обойдётся, думаю. Иначе меня – в тюрьму.

- Уймись, дешёвка.

Николай Васильевич, даже сам удивился, откуда у него такая фраза. Но очень уместная. И добавил:

- Не до тебя сейчас. Но каждый получит по заслугам. Ты в первую очередь.

Сказал и отвернулся от инженера, давая понять – разговор окончен.

Сколько прошло времени, Роман не мог осознать даже близко. Вдруг ему показалось, что из трубы его явственно называют по имени.

«Света зовёт по имени, как я и хотел. Это мне уже кажется, значит скоро конец. Но ведь я думаю, значит живой еще. А кто зовёт? Архангелы на том свете?»

И тут уже вполне отчётливо из трубы послышался голос его напарника:

- Роман, ты живой? Если говорить не можешь, постучи по трубе. Дай знать.

Это из ближайшего колодца системы трубопровода до него пытались докричаться рабочие его бригады.

Здесь Роман поймал себя на мысли, что если бы мог, то улыбнулся. Как может постучать по трубе человек, полностью заваленный землёй. Напарник, он, что, совсем не соображает? Тут Куропаткин осторожно попробовал ртом издать какой-нибудь звук. Получилось! Типа вроде стоны. А потом собрался и проговорил:

- ДА.

Потом еще раз «Да» и уже совсем тихо:

- Тяжело. Скорее.

Поднимали Романа из преисподней, как он потом называл своё нахождение под землёй, очень осторожно. Положили на траву. Врач из скорой помощи осматривал каждую часть тела, и просил сначала шевелить ею, затем двигать. Всё шевелилось и двигалось.

- Доктор можно я сяду? Устал лежать – спросил Роман

- Нет. Давай сначала попробуй очень осторожно повернуться на бок. Получается? А на другой? А на живот? Ладно, давай, рискни, садись.

Когда Роман смог самостоятельно сидеть на траве, многочисленные люди, стоявшие вокруг его, радостно заулыбались.

Николай Васильевич опустил перед Романом на корточки:

- Ты большой молодец и умница. Не каждый мог за секунду найти такое решение. Но надо проехать в больницу, снимки там сделают и прочее.

- Нет, Николай Васильевич, мне домой надо. Жене обещал.

Дворцов повернулся к доктору, который разговаривал с медсестрой по поводу чудес и воскрешений:

- Его обязательно в больницу?

- В принципе, если жалоб нет, можно понаблюдать амбулаторно. Пусть завтра обратится в поликлинику по месту жительства. Я всё напишу в направлении.

Дворцов дал указания приехавшему последним прорабу о дальнейшей работе:

- На сегодня работы прекратить. Завтра траншеею рыть на оставшемся участке заново, шириной 2 метра, с откосами, которые укреплять щитами и распорками. Позвони на базу, от моего имени, пусть срочно завезут всё необходимое.

Затем повернулся к Роману:

- Ну, что герой, поехали?! Садись в мою машину.

- Николай Васильевич, я весь грязный. Смотрите штормовка вся в пыли и песке. Весь салон в машине перепачкаю.

- Ничего, всё отмоется, и штормовка и машина. Главное – живой!

По дороге Роман и вовсе пришел в себя. Пытался даже шутить. А на предложение директора – взять пару дней отгулами, ответил:

- Расслабляться не будем. У меня новая жизнь начинается. Я имею в виду - семью. Думаю, завтра уже на работу выйду.

- А поликлиника? Доктор сказал – надо.

- Если ничего не сломано, что там делать? Ладно, утро покажет.

Когда машина подъехала к панельной пятиэтажке, где проживал Куропаткин, он увидел, что у подъезда стоит Светлана, а рядом с ней Кира, в руках которой было три больших ярких воздушных шара. Он вышел из машины и смотрел на них. Как всё же прекрасна жизнь! Какое счастье - видеть своих близких.

Светлана обняла мужа за шею, прижалась к нему, а он, смущаясь, снова говорил, что он весь в пыли и грязи.

- Представляешь, мужики придумали новую традицию – обсыпать друг друга песком и грунтом при сдаче объекта, - говорил он сбивчиво, пытаясь объяснить свой внешний несуразный вид, - вот и мне досталось, придется не только спецовку, но и меня отмывать.

- Отмоем, отогреем и накормим. У нас праздничный стол сегодня. Кира, настояла, что бы мы вышли тебя встречать. Шары будем запускать. Как чувствовала, что ты раньше приедешь. А кто это тебя привёз на такой крутой машине? У тебя всё нормально?

- Это наш директор – Николай Васильевич, он сказал, что я молодец и умница. Передовик, одним словом, а передовиков не грех и до дома доставить. – А чуть погода, обнимая жену и дочку, добавил:

- Всё у меня нормально, даже чудесно! И главное чудо в моей жизни – это вы.

Николай Васильевич, повернулся к водителю:

- Ну что засмотрелся? Не будем смущать счастливых людей. Поехали...

